

ФЕНОМЕН «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» И МЕТАФИЗИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ»

Холматова Зебо Алмардон кизи
almardonovnazabo@gmail.com

**ИНФОРМАЦИЯ О
СТАТЬЕ**

**ИСТОРИЯ
СТАТЬИ:**

Received: 08.06.2026

Revised: 09.06.2026

Accepted: 10.06.2026

**КЛЮЧЕВЫЕ
СЛОВА:**

*Н.В. Гоголь,
«Шинель», маленький
человек, Петербургский
текст,
экзистенциализм,
чиновничество,
метафизика, гротеск*

АННОТАЦИЯ:

Исследуется повесть Н.В. Гоголя «Шинель» сквозь призму социально-философского и метафизического анализа. Автор рассматривает трагедию Акакия Акакиевича Башмачкина не просто как социальную

drama мелкого чиновника, а как экзистенциальный кризис человеческой души в условиях отчужденного бюрократического мира. Особое внимание уделяется амбивалентности образа шинели, которая трансформируется и в утилитарного предмета одежды в сакральный объект и суррогат духовной жизни. Проанализирована структура петербургского пространства как враждебной человеку мистической реальности, а также семантика финала повести, выводящая реалистическое повествование в плоскость фантазмагии и высшей справедливости.

Введение :Повесть Николая Васильевича Гоголя «Шинель» (1842) традиционно рассматривается как manifesto гуманистического направления в русской литературе XIX века. Знаменитая фраза, приписываемая французскому критику Э. де Вогиюэ (и часто цитируемая со ссылкой на Ф.М. Достоевского) — «Все мы вышли из гоголевской "Шинели"» — зафиксировала статус этого произведения как первоосновы для последующего развития темы социального неравенства и защиты «униженных и оскорбленных» [2, с. 118]. Однако сведение смыслового пласта повести исключительно к социальной критике и обличению николаевской бюрократической системы существенно обедняет гоголевский замысел. «Шинель» — это не просто реалистический

очерк о бедном чиновнике; это глубокое философско-религиозное и метафизическое высказывание о природе человеческого бытия, границах материального мира и трагедии духовного замещения [5, с. 84]. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью переосмысления образа Акакия Акакиевича в контексте экзистенциальной философии и мифологии «Петербургского текста» русской литературы.

1. **Онтология Акакия Акакиевича: жизнь в пространстве букв** Главный герой повести, Акакий Акакиевич Башмачкин, представляет собой крайнюю степень человеческой минимизации, доведенную до гротеска. Гоголь лишает своего героя ярких внешних черт, предыстории и даже полноценной речевой функции. Речь Башмачкина состоит преимущественно из предлогов, наречий и частиц, не несущих смысловой нагрузки [1, с. 212]. Это существо, изъятое из живого коммуникативного пространства. Единственная сфера, где Акакий Акакиевич обретает подлинное бытие и даже своеобразное блаженство — это процесс переписывания бумаг: Сакрализация рутины: Для Башмачкина буквы — это не знаки, передающие информацию, а живые сущности. Он имеет свои «любимые буквы», при написании которых на его лице отображается радиация внутреннего удовольствия [3, с. 92]. Аскетизм как форма защиты: Герой ведет жизнь монастырского послушника, но его монастырь — это департамент, а его божество — идеальный каллиграфический шрифт. Он абсолютно глух к внешним раздражителям, не замечает насмешек коллег и не интересуется ничем, что выходит за рамки его формуляров. Таким образом, до появления идеи о новой шинели Башмачкин находится в состоянии своеобразного догреховного рая — пусть убогого, механистического, но стабильного. Его духовная нищета компенсируется полным отсутствием гордыни и материальных притязаний.

2. **Метаморфоза шинели: от утилитарности к идолопоклонству** Появление необходимости приобретения новой шинели разрушает этот замкнутый, герметичный мир. Старая шинель, которую сослуживцы презрительно называют «капотом», истончилась настолько, что перестала выполнять свою базовую функцию — защищать от петербургского холода. Холод у Гоголя выступает не просто как климатический фактор, а как метафизическая сила, разрушающая материальную оболочку человека [4, с. 143]. Процесс накопления денег на новую шинель меняет экзистенциальный статус героя: Появление экзистенциальной цели: Акакий Акакиевич начинает голодать, экономить на свечах, ходить на цыпочках, чтобы не стереть подметки. Из существа пассивного он превращается в человека, ведомого идеей [3, с. 97]. Шинель как эрзац-жена: Гоголь прямо пишет, что Башмачкин как бы «совершенно женился», и этой подругой жизни была «не кто другая, как все та же шинель на толстой вате» [1, с. 225]. Происходит страшная подмена: живая человеческая душа устремляется к материальному объекту, наделяя его сакральными свойствами. Грехопадение духа:

Вся энергия, которая раньше уходила в бескорыстное служение буквам, теперь тратится на вождение вещи. Шинель становится для Башмачкина идолом, требующим человеческих жертв. Когда шинель наконец сшита и надет, Акакий Акакиевич впервые в жизни испытывает триумф. Но это триумф ложный. Герой выходит из своей спасительной скорлупы в большой мир, посещает вечер у помощника столоначальника, шампанское туманит его разум. Он нарушает свой аскетический кодекс, что неминуемо ведет к катастрофе [6, с. 59].

3. Петербург как пространство отчуждения и гибели. Пространство Петербурга в повести «Шинель» глубоко мифологизировано и враждебно человеку. Оно выстроено по законам геометрического и социального отчуждения. Гоголь создает образ города-призрака, города-хищника [4, с. 150]. Сцена ограбления Башмачкина является кульминацией этого пространственного противостояния. Переход героя из освещенных, людных кварталов в пустынные площади знаменует собой погружение в экзистенциальную тьму: Пустынная площадь как бездна: Площадь, где у Акакия Акакиевича отбирают шинель, описывается как «страшная пустыня», где море окружало ее со всех сторон [1, с. 231]. Это пространство хаоса, где социальные законы перестают действовать, а человек остается один на один с небытием. Равнодушие будочника: Представитель власти (будочник), находящийся на другом конце площади, сознательно игнорирует преступление. Это подчеркивает тотальное равнодушие государственной машины к отдельной личности [2, с. 124]. Потеря шинели возвращает Башмачкина в исходное состояние нищеты, но теперь это состояние усугублено осознанием потери. Происходит «депотенциализация» героя: потеряв материального идола, он теряет и смысл существования, что приводит к стремительной болезни и смерти.

Заключение: Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» — это многоуровневое произведение, соединившее в себе острую социальную сатиру, глубокий гуманизм и сложную метафизическую проблематику. Гоголь показал, что трагедия «маленького человека» заключается не только в его бедности или незащитности перед лицом государственной машины, но и в уязвимости его духа перед соблазнами материального мира. Шинель, ставшая для героя центром вселенной, погубила его внутреннюю покой, но ее же утрата возвысила его до масштаба трагического героя. Выходя за рамки бытового реализма в финале повести

Гоголь утверждает идею высшего возмездия и напоминает читателю о христианском долге сострадания к «брату своему

», вне зависимости от его социального статуса. Повесть остается вечным предостережением об опасности подмены духовных ценностей вещным суррогатом.

Список использованной литературы:

1. Гоголь.Н.В. полное собрание сочинений и писем : в 23 т. / Н. В. Гоголь – Москва : Наука, 2009. – Т. 3 : Повести . – 688 с.
2. Виноградов, В. В. Поэтика русской литературы : избранные труды / В. В. Виноградов ; отв. ред. М. П. Алексеев. – Москва : Наука, 1976. – 512 с.
3. Эйхенбаум, Б. М. О прозе : сборник статей / Б. М. Эйхенбаум ; сост. И. Ямпольский. – Ленинград : Художественная литература, 1969. – 504 с. (Статья: «Как сделана "Шинель" Гоголя»).
4. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь : книга для учителя / Ю. М. Лотман. – Москва : Просвещение, 1988. – 352 с.
5. Манн, Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме / Ю. В. Манн. – Москва : Coda, 1996. – 472 с.
6. Бочаров, С. Г. О художественных мирах / С. Г. Бочаров. – Москва : Советская Россия, 1985. – 296 с.